

Л. В. Павлова, И. В. Романова

«АВРААМИЕВСКАЯ СЕДМИЦА»
(Смоленск, 19 сентября 2020 г.)

DOI 10.31860/2712-7591-2020-3-192-201

19 сентября 2020 г. в Смоленске состоялась Всероссийская научная конференция с международным участием «Авраамиевская седмица». Эта конференция стала традиционной и проводится в пятый раз, однако в этом году она была вынужденно переведена в онлайн-формат. Ее организаторами выступили Смоленский государственный университет, Смоленская митрополия Русской Православной Церкви и Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Участниками «Авраамиевской седмицы» этого года стали ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Калуги, Орла, Томска, Северодвинска, Смоленска, Витебска (Республика Беларусь).

Пленарное заседание открыли традиционные приветственные слова ректора Смоленского государственного университета М. Н. Артеменкова, а также митрополита Смоленского и Дорогобужского Исидора, который в своем выступлении отметил значимость этого совместного научно-просветительского проекта.

Научную часть заседания открыл доклад А. М. Ранчина (Москва) на тему «Мотив красоты святого Бориса в „Сказании о Борисе и Глебе“». Ис-

следователь обратил внимание на не вполне традиционный для агиографии мотив *подчеркивания* красоты старшего из святых братьев, его идеальный портрет, упоминаемый из всех памятников Борисоглебского цикла только в Сказании и в приписке к основному тексту Жития. Объяснение этому факту находится, по мнению докладчика, на проводимой в данном Житии параллели-сравнении Бориса и праотца Иосифа, о красоте которого говорится в Книге Бытия. В «летописных» чтениях красота лица и зора Бориса и Глеба трактуется как атрибут праведника. Так, А. Г. Кравецкий соотнес этот фрагмент с библейскими Притчами (17: 22), к которым докладчик добавил стих 15: 13, однако в обоих местах библейской книги речь идет о веселии сердца, но нигде нет лексемы «красота» и ничего не сказано собственно о красоте лица и «свѣтлости» «очей и зоров». А. М. Ранчин предполагает, что эта деталь характеристики добродетельного и благочестивого мужа восходит именно к Сказанию. Указанная переключка, свидетельствующая о зависимости паремийного чтения от Сказания, приводится как косвенный аргумент в пользу гипотезы А. А. Гиппиуса о поздней в сравнении с другими памятниками цикла датировке паремий.

Три других пленарных доклада традиционно были посвящены Житию преподобного Авраамия Смоленского, составленного его учеником Ефремом. А. А. Шайкин (Орел) в докладе «Автор, герой, жанр Жития Авраамия Смоленского» подробно остановился на жанровом своеобразии этого домонгольского памятника литературы. Он обратил внимание на то, что Ефрем, сохраняя жанровую принадлежность преподобническому житию, в то же время выходит за его пределы. Связано это с тем, что автор имел перед собой цель не только представить земную жизнь святого, но и оправдать и прославить его. Поэтому его текст приобрел черты, сходные с иными жанрами, в том числе возникшими в античную эпоху, но усвоенными и христианской традицией — энкомием и апологией. Вследствие этого Ефрем Смоленский создает оригинальное произведение, выходящее за пределы агиографических повествований древнерусской словесности.

Смоленский исследователь Жития Авраамия игумен Хрисанф (Шадронов) в своем докладе «Творения Иоанна Златоуста и Житие Авраамия Смоленского» проанализировал заимствования из сочинений святителя Иоанна Златоуста, и прежде всего из «Слова о священстве». По убеждению автора, Авраамий не случайно уподобляется автором Жития Иоанну Златоусту — одному из вселенских святителей. Причина этого кроется не только в сюжетных совпадениях гонений, но и в глубоком знании и почитании Авраамием трудов Златоуста. В Житии краугольный камень разногласий

между смоленской церковной властью и Авраамием, как показал докладчик, заключается в неодинаковом понимании сути священнического служения, принципиально отличного от монашества (отшельничества), и позиция Авраамия в этом вопросе Ефремом, автором Жития, возводится к «Слову о священстве» Иоанна Златоуста.

Т. Б. Карбасова (Санкт-Петербург) в докладе «Житие Авраамия Смоленского в редакции Гурия Тушина: библейский контекст» рассмотрела корпус библейских цитат в той редакции Жития Авраамия Смоленского, которая была создана в начале XVI в. Гурием Тушиным, учительным старцем Кирилло-Белозерского монастыря, учеником Нила Сорского. В этой редакции использованы заимствования из текстов, посвященных Кириллу Белозерскому. Редактора более всего интересовали монастырские и богослужебные практики, кроме того, он осуществил последовательную уточняющую правку. Особое место занимают в этой редакции исправления отсылок к Священному Писанию. Первоначальная редакция Жития (Основная) была насыщена библейскими цитатами, которые читались в том числе и внутри богослужебных последований. Эти случаи не всегда отмечались комментаторами. Весь корпус библейских цитат, использованных в Основной редакции, переходит в редакцию Гурия Тушина. Редактор опознает их как цитаты, в некоторых случаях уточняя текст, а в других отсылая к источникам. Кроме того, в новой редакции Т. Б. Карбасова обнаружила две новые цитаты. Сопоставление и комментарий к новым цитатам позволили автору доклада предположить, что, используя библейский контекст, редактор Жития указывал на особенность подвига Авраамия Смоленского, который состоял в молитве за «изгоняющих его и оскорбляющих».

Увенчалось пленарное заседание презентацией видеолекции игумена Хрисанфа (Шадренова) об Авраамии Смоленском из цикла «Просветители земли Смоленской». Этот цикл — часть большого проекта «Смоленск просвещенный: информационно-образовательный портал», реализуемого ассоциацией «Смоленский центр гуманитарных исследований» при поддержке Фонда президентских грантов (руководитель проекта — профессор Л. В. Павлова).

Секционная часть конференции была посвящена вопросам древнерусской культуры и письменности.

Н. Ю. Налётова (Смоленск) в докладе «Учительная книжность Древней Руси» показала, как переплетенное с традициями славянской культуры православное мироощущение оказало решающее влияние на сферу просвещения. Изучение древнерусской книжности (летописей, житий, поучений,

учительных сборников и др.) показывает, что она антропологична. Для нее характерен акцент на постижении законов духовно-нравственной жизни, зримо представленных в образе русских святых, евангельских качеств смирения, аскетизма, жертвенного служения, милосердия, всепрощения.

Л. В. Соколова (Санкт-Петербург) сделала сообщение на тему «„Сказание о Мамаевом побоище“ как полемика с „Летописной повестью о Куликовской битве“». Докладчица подчеркнула, что по поводу взаимоотношения названных памятников существуют разные точки зрения, и в последнее время поддержана точка зрения М. А. Салминой о прямой зависимости «Сказания» от «Летописной повести». При этом, по мнению Л. В. Соколовой, «Сказание» написано не просто позже «Летописной повести» и на ее основе, — оно представляет собой полемику с ней, предлагает иной взгляд на Куликовскую битву, на роль участвовавших в ней русских князей и воевод. Если в «Летописной повести» великий князь Московский Дмитрий Иванович представлен, по сути дела, единственным героем битвы, то автор «Сказания» минимизирует и даже сознательно искажает роль Дмитрия Ивановича в сражении. При этом подчеркивается роль в битве Владимира Андреевича Серпуховского и его шуринов — князей Ольгердовичей. Вслед за А. А. Шахматовым и Б. М. Клоссом Л. В. Соколова полагает, что «Сказание» создано в Троицком монастыре, а его авторами или заказчиками были люди, связанные с удельным князем Владимиром Андреевичем, а также с литовскими князьями Ольгердовичами.

И. В. Федорова (Санкт-Петербург) представила результаты исследования «Топографии Святой Земли» Ансельма Поляка (Краковского) в русской рукописной традиции, осуществляемого при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-41003 «Святая Земля в малоизвестных паломнических описаниях XVII — нач. XVIII в. (исследование и тексты)». Изучаемый памятник содержит описание Палестины и рассказывает о библейских реликвиях Иерусалима и его окрестностей. В научный оборот произведение ввел А. И. Соболевский, установивший, что перевод осуществлен в XVII в. с польского издания «Топографии» 1595 г. В настоящее время известно четыре списка памятника: ГИМ, Синод. собр., № 745; РГБ, ф. 310 (собр. Ундольского), № 1309; РНБ, Q.XVII.14; РНБ, собр. СПбДА, № 262. Однако рукописная традиция древнерусского перевода «Топографии» не изучена, текст не опубликован. Предпринятое И. В. Федоровой текстуальное исследование списков показало, что они содержат один и тот же перевод, который в процессе его бытования в древнерусской книжности подвергся незначительной русификации. Наиболее близок архетипу

перевода список РНБ, Q.XVII.147, однако в нем есть ошибки и небольшие утраты текста, появившиеся, очевидно, в результате его копирования. Дальнейшее исследование рукописной традиции памятника позволит выстроить генеалогию списков, выбрать список для первой научной публикации текста «Топографии», а также поможет скорректировать представление о времени и месте ее перевода и понять причины интереса к содержанию произведения у книжников и читателей XVII—XVIII вв.

В докладе И. А. Лобаковой (Санкт-Петербург) «Повествователь — Редактор — Литературный персонаж (К вопросу об автобиографизме в Житии Иринарха Ростовского)» высказано мнение, что в большинстве житий-биографий фигуру повествователя корректнее рассматривать как художественный прием, который позволял автору, с одной стороны, дистанцироваться от своего героя, а с другой — оставлял возможность для проявления личностного отношения. Была отмечена уникальность авторской позиции Александра, составившего в 1620-х гг. Житие своего учителя Иринарха Ростовского — произведение, сюжет которого в значительной части определен событиями эпохи Смуты. В тексте Жития оказались сведены вместе художественные функции повествователя-очевидца (Александр вместе со своим учителем пробыл в затворе 30 лет, переживая все превратности жизни своего наставника), редактора (именно он отбирал факты для своего повествования и включил в текст те события, свидетелем которых он не был, но знал о них по рассказам Иринарха) и литературного персонажа (Александр оказался включен в житийный сюжет в качестве полноправного участника, ведя речь о себе в 3-м лице). Позже в рамках древнерусской литературы этот прием обнаруживается в Житии протопопа Аввакума. В литературе Нового времени каждый мемуарист выступает в качестве повествователя (отбор материала и выбор стиля), редактора (отбор эпизодов своей жизни) и литературного героя, которым он предстает на страницах своего текста.

Коллизии, возникшей в период «книжного исправления», проведенного при патриархе Никоне в связи со справой богослужебных текстов, был посвящен доклад Н. И. Сазоновой (Томск) «Устав „Око церковное“ и „исправление“ Служебника при патриархе Никоне (1653—1666 гг.): опыт текстологического анализа (на материале чина вечерни)». За достаточно небольшой период, как известно, изменениям подверглись все наиболее употребительные богослужебные книги Русской Православной Церкви. Однако справа церковного Устава, определяющего порядок совершения богослужения, проводилась позже справы богослужебных книг и была произведена уже после патриарха Никона, в 1682 г. Таким образом, до этого времени продол-

жал действовать прежний Устав, а именно наиболее известная его версия «Око церковное» — русская редакция Иерусалимского типикона, появившаяся в XV столетии (издавалась в 1610, 1633, 1641 гг.). При этом никоновские богослужебные тексты содержали изменения в порядке совершения богослужения, Уставом не предусмотренные. Возникшие противоречия были рассмотрены на примере sprawy Службника, изданного в 1655 г., который стал первой из новоисправленных богослужебных книг. На примере никоновского «исправления» чина вечерни в докладе были разобраны изменения, внесенные в богослужебные указания для священнослужителей никоновскими справщиками, а также рассматривалась проблема соответствия внесенных изменений действующему церковному Уставу, были выявлены происшедшие в результате sprawy трансформации в области порядка совершения богослужения. Н. И. Сазонова пришла к выводу, что ряд богослужебных указаний в новоисправленных службниках полностью взят из текста «Ока церковного», вместе с тем был внесен и ряд новшеств, направленность и характер которых также подробно освещены в докладе.

М. А. Федотова (Санкт-Петербург) проанализировала первое печатное собрание проповедей Димитрия Ростовского (1786 г.), изданное по инициативе частного лица — Я. А. Татищева — в контексте эдиционной практики его сочинений, как прижизненных («Руно орошенное», «Апология во утление печали человека, сущаго в беде, гонении и озлоблении», Четьи Минеи), так и вышедших после смерти ростовского митрополита («Келейный летописец», «Розыск о раскольнической брынской вере»). В докладе «Проповеди Димитрия Ростовского: о проекте научного издания» были сформулированы достоинства и недостатки первого издания; поставлен вопрос о целесообразности новой научной публикации ораторских сочинений святителя Димитрия, главной целью которой является решение вопросов атрибуции той или иной проповеди и определение авторитетных списков, по которым необходимо подготовить новое издание.

Доклад «Религионимы в русской афористике» представила А. В. Королькова (Смоленск). Исследовательница исходила из общего положения, согласно которому русская афористика отражает языковую и концептуальную картину мира народа в диахронии, учитывая при этом, что исторически русская культура основывается на духовной культуре православия. В афоризмах русских писателей начиная с XVIII в. отражается национальное самосознание, естественным образом включающее христианские постулаты в общекультурный вербальный контекст русского мира. Поэтому в корпусе русской афористики велико количество изречений, связанных с Библией.

Самым распространенным религионимом в русской афористике (как и в русском языке в целом) является лексема *Бог* (и словообразовательное гнездо в целом), которая может употребляться во фразеологически связанном и свободном значении; достаточно частотным в русской афористике является и религионим *грех* и его словообразовательное гнездо. Русская традиция богоискательства всегда была связана не только с осмыслением христианских заповедей, но и с осмыслением греха, преступления против божественной природы человека. Докладчица показала, что корпус русской афористики наполнен изречениями о труде, терпении, милосердии, смирении, любви к Отечеству, о русском языке как душе русского народа и русской культуры, о любви в христианском ее понимании и т. д.

В исследовании А. В. Радионовой (Смоленск) «Поэтика стихотворений-молитв русских поэтов» рассмотрены особенности жанровой модели стихотворной молитвы XVIII—XX вв. Автор доклада приходит к выводу о динамике этой жанровой формы, о творческом переосмыслении ее в новой поэзии. Наиболее подробно А. В. Радионова остановилась на роли лирической ситуации *credo* в композиции стихотворений-молитв на примере поэтического наследия Б. А. Чичибабина.

К лирическому роду обратился в своем докладе «Проблема дефиниции религиозной лирики» А. А. Большаков (Калуга — Москва). Докладчик на ряде примеров продемонстрировал различия вариативных и инвариантных выражений религиозного опыта в лирике. В первом случае автор лирического произведения задействует религиозные образы и концепты для выражения внутреннего мира своего лирического героя, передавая индивидуальный опыт переживаний религии через концептосферу, усвоенную в опыте рецепции культуры. Во втором автор использует религиозные образы и концепты для манифестации внеиндивидуальных универсалий, коррелирующих с религиозной догматикой и канонами. Инвариант подразумевает некоторую несвободу осмысления религии, потому что в этом случае поэзия становится религиозной философией, которая ограничивает выражение мысли заданными догматикой рамками. В ситуации, когда религиозный компонент лирики представляет собой вариант, автор оставляет за собой право интерпретации и концептуализации согласно собственным эстетическим и мировоззренческим установкам, используя заимствования из религиозной сферы как художественный инструмент.

Целый блок докладов конференции был посвящен писателям Серебряного века русской литературы.

Творчество И. А. Бунина объединило доклады Г. Н. Ермоленко (Смоленск) и М. Л. Рogaцкиной (Смоленск). В докладе «Образ Креста в произ-

ведениях И. А. Бунина» Г. Н. Ермоленко обратила внимание на частотность образа *Креста*, рассмотрев его семантику в разных произведениях И. Бунина: от простой христианской символики до размышлений писателя о судьбах будущего человечества. Во втором докладе «Тема Христа в рассказах И. А. Бунина» (М. Л. Рogaцкина) рассматриваются контексты упоминаний Христа и связь Его образа с разным художественным пространством (русской деревней, Москвой, Палестиной).

В. С. Ковалева (Смоленск) представила вниманию участников конференции доклад «Божий мир И. Шмелева глазами ребенка». Докладчица проанализировала рассказ «Неупиваемая Чаша», строящийся на противопоставлении восприятия окружающего мира старым баринoм и подростком Ильей, продемонстрировав это на характерном для прозы И. Шмелева языковом приеме — несобственно-прямой речи, в которой объективная оценка событий сочетается с восприятием персонажа.

Л. Г. Каяниди (Смоленск) представил доклад «Библейские мотивы в трагедии Вячеслава Иванова „Прометей“», в котором старался раскрыть разнообразные скрытые смыслы этого важнейшего произведения поэта, остановившись более подробно на двух коллизиях, имеющих библейский первоисточник. В первой два сына Прометея, Архат и Архемор, ассоциируются с антиквизированным вариантом Каина и Авеля, при этом сюжет первого убийства, по мнению докладчика, осмысливается Ивановым как утверждение богоборческого начала человеческой культуры. Во второй коллизии Пандора как протагонист третьего действия ивановской трагедии предстает у Иванова не столько по-гесиодовски, как посланная богами мстительница за богоборческую дерзость Прометея, сколько по-библейски, как его создание, античная Ева.

Советский период отечественной литературы на конференции был представлен докладами о А. Т. Твардовском, критике А. В. Македонове и неподцензурной поэзии.

Л. В. Павлова и И. В. Романова (Смоленск) представили вниманию слушателей доклад «„Язык свергнутой религии“ в поэзии А.Т. Твардовского», в котором напомнили, как эпоха соцреализма не благоволила глубокому вниманию к религиозным темам и образам, а исключение делалось лишь художественному представлению того, что так или иначе варьирует девиз «Бога нет», в силу частого его повторения приобретающий характер заклинания. Отречение от «старого мира» не предполагало вдумчивой «сортировки» его ценностей, даже тех, о существовании которых свидетельствовали классическая литература, декларируемо почитаемая, опыт отцов и матерей, предлагаемый как проверенные ориентиры в житейском море, собственные

впечатления детства и юности. Именно об этом «обрубании корней», как было представлено в докладе, напишет в поэме «По праву памяти» Твардовский — один из тех, кто познал путь и цену этого отречения. Язык Церкви, ее каждодневная жизнь были знакомы уроженцу смоленской глубинки, как и каждому человеку его времени, о чем свидетельствует его поэзия. Однако всё это, так хорошо знакомое и привычное, лишь приметы прошлого, отказ от которого — залог скорейшего торжества нового и прекрасного уклада. Одно из ярких проявлений этого отказа в поэзии Твардовского — низведение констант религиозного мышления русского человека до присказок и прибауток, чертыхания и поминания Бога всуе.

В молодые годы А. Т. Твардовский называл критика А. В. Македонова «смоленским Сократом», что во многом объяснялось интересом начинающего критика к философским проблемам. В докладе Э. Л. Котовой (Смоленск) «Религиозно-философские вопросы в сознании А. В. Македонова» последовательно показано, во-первых, как изучение критического наследия В. Г. Белинского привело Македонова к серьезному знакомству с идеалистической философией Гегеля, эстетические взгляды которого навсегда остались для него незабываемыми, и во-вторых, как в зрелые годы на религиозно-философское сознание А. В. Македонова повлияло учение Тейяра де Шардена об эволюционно-космическом христианстве, отразившееся на характере его поздних литературоведческих исследований.

Противоположное, неофициальное крыло русской литературы сер. — второй пол. XX в. представил Б. Ф. Колымагин (Москва) в докладе «Теологические и философские аспекты религиозной поэзии 1960–1980 гг.». Докладчик показал, что в неподцензурной поэзии 1960–1980 гг. нередко ставились богословские и философские вопросы, а поэтика и теология вступали в поэзии андеграунда в сложное взаимодействие, благодаря которому появился ряд оригинальных произведений.

Последний блок докладов конференции был посвящен религиозным аспектам новейшей русской литературы и отражен в докладах «Псалмы иеромонаха Василия (Рослякова)» Е. А. Балашовой (Калуга) и «Избранный или раскаивающийся: житийный сюжет в диалогии С. Лукьяненко „Искатели неба“» И. В. Марусовой (Смоленск).

В первом докладе была затронута теоретико-этическая проблема: можно ли православным заниматься творчеством, — и в качестве положительного ответа на этот вопрос докладчик представил духовное и творческое наследие нового автора — иеромонаха Василия (Рослякова), поэзия которого была одинаково интересна мирянам и насельникам монастыря. Само бого-

служение иеромонаха Василия было творчеством, а творчество — богослужением: в своих псалмах, говоря о священном, он не изменял его, но давал ему новую, сообразную с веком форму выражения.

Второй доклад выдвинул не менее дискуссионный вопрос об отношениях религии и фантастики. И. В. Марусова показала, что мир современного фэнтези преимущественно политеистичен, а «космическая» фантастика предполагает, по меньшей мере, неканонический взгляд на вопросы религии, но вместе с тем современные писатели-фантасты обращаются к христианским образам, сюжетам и мотивам, зачастую переосмысляя и трансформируя их. В качестве примера были рассмотрены сочинения современных отечественных и зарубежных писателей: братьев Стругацких, Г. Л. Олди, Дж. Роулинг, — но особенно подробно проанализирована дилогия С. Лукьяненко «Искатели неба» (романы «Холодные берега» и «Близится утро»).

Материалы конференции составят V выпуск сборника «Авраамиевская седмица», который увидит свет в 2021 году.